

* * *

Как добротна мебель из дерева
И тепла добротой леса!
Словно лес открывает двери вам,
Что поют под тяжестью веса.

Только мир сплошь вокруг пластмассовый,
Словнодушный бездушный ящик,
С одноликой культурой массовой,
Легковесной, ненастоящей.

Но сбегу я, поздно ли, рано ли,
Сбив пластмассовые колодки.
Слава богу, гробы деревянные,
Как когда-то дома и лодки.

* * *

Долго ли, какой заветной тропкою
Счастье шло – и вдруг ко мне идёт.
Я ж стою, глазами глупо хлопаю
И, глядишь, прохлопаю вот-вот.

Лучше б беды принесло с заботами –
Как родных с порога обниму:
Против них приёмы отработаны,
Что со счастьем делать – не пойму.

Но, моё увидев замешательство,
Счастье шаст ко мне на зависть всем.
– Живём, – мурлычет, – замечательно!
– Долго ли?
– Пока не надоем.

* * *

Осень, маня спозаранку
Жёлтые твои пути –
Век бродил бы, как цыганка:
Ручку мне позолоти!

Ветер выдует из дома
Вслед за тучей кочевой.
Пышет осень, словно домна,
Жёлтым жаром и тоской.

Дождь просеянный искрится,
Желтогравье серебра.
Осень, от тебя не скрыться!
Где уж скрыться от себя.

Скоро листья долистает
Постаревший за год год.
Осень, мне бы с птичьей стаей!
Только кто ж меня возьмёт?

ПЕРО

Стремясь пространство распороть
Скруглённой кромкой цвета хрома,
Упруго, как живая плоть,
И, словно небо, невесомо,
Перо коснётся вдруг руки
В непредсказуемом полёте,
Причудливом, как вязь строки
Из книги в древнем переплёте.
И я замру, навек пронзён
Тоской по промелькнувшей птице,
Недостижимой, словно сон,
Который дважды не приснится.

ХАСТИНАПУР

Полетели до Дели вдвоём –
По священной земле погуляем,
В Тадж-Махал белоснежный махнём
И в заснеженные Гималаи.

Раздадим нищете пятаки,
Чтоб с воды перебились на воду.
Поучиться ещё у таких
Улыбаться в любую погоду.

Спросит рикша – его не жалей,
Нынче он на электромопеде –
Десять рупий. Нам – десять рублей,
Рубль теперь, словно рупия, беден.

Полетели любого числа!
Наш маршрут будет строго случаен.
Ты ж киваешь в ответ на дела
Иль вздыхаешь и не отвечаешь.

Что с того, что распахнута дверь
И повсюду дорожные сети?
Чудеса так доступны теперь,
Что как будто и нет их на свете.

Но для нас приберёг я тропу,
Что уводит из дымного Дели
Сквозь печали, тревоги, метели
В приснопамятный Хастинапур.

СТАРЕЦ

Седина как писаний страница –
Чисто старец, блаженный вполне.
Клянчит мелочь с утра – похмелиться,
Мутным глазом елозя по мне.

Словно вязь, на руках его вены,
Как сиянье, вокруг перегар...
И в тот миг, словно в миг откровенья,
Я иные узрел берега.

Не цветастые райские кущи,
Не предвечный покой вековой –
Коммунальную бедную гущу,
Стен обшарпанных грязный конвой,

Одинокость убогой каморки,
А в толпе – одинокость вдвойне,
И чем дальше, тем более горький
Запах снов о далёкой войне.

Обездоленных лет вереница
В чёрной канет вот-вот полынье.
Седина как писаний страница –
Чисто старец, блаженный вполне.

ЮЖНЫЙ КРЕСТ

Ищу над царством вьюг
На небе Южный Крест.
Мне возражает друг:
Тот крест – не с этих мест.

Ковш гнутый по ночам
Вычерпывает тьму.
А крест – не по плечам.
Но я назло всему

Ищу среди вьюжных снов,
Печальных, как зола,
То ль новых берегов,
То ль пятого угла.

* * *

Запах неба и дыма,
Дух весёлый лесной.
Шёл лесник Никодимыч
До избушки, домой.

Через птичий неспящий
Стоголовый трезвон,
Опьянён влагой чащи,
Ветерком отрезвлён.

Сосны встали, рисуясь,
В полный рост верстовой.
Всё, что хочешь, в лесу есть,
Даже больше того.

Легкокрылая радость
Не пугаясь ничуть,
Прилетит – и надо
Морщить лоб, спину гнуть.

Грусть, подкравшись, ужалит,
Ворон зыркнет, кружа...
Застрелился б, пожалуй,
Но не дали ружья.

Спросят:
– Радость откуда?
– Прилетает сама.
– А печаль?
– Как повсюду –
От большого ума.